

Нѣсколько словъ въ отвѣтъ о. Іоанну Попову.

Удивительные бываютъ порой критики и даже, къ сожалѣнію, среди нашего духовенства! Просто уму непостижимо, какъ можно такъ относиться къ дѣлу, лишь бы провести тенденцію.—Появилась въ 16 № нашихъ Епарх. Вѣдомостей моя статья, по моему глубокому убѣжденію, вполне понятная, ясная. Не трудно сдѣлать изъ нея и конечный выводъ.

А между тѣмъ при посредствѣ пера о. І. Попова она обезличена, извращена; цѣль ея написанія, оказывается иною. Но предоставляю судить читателямъ. И прежде чѣмъ касаться статьи своего критика, повторю существенный ходъ мыслей своей замѣтки, т. е. то, что самое важное въ ней, что ею предполагалось сказать. Попутно отмѣчу и извращенія моихъ словъ.

Упомянувъ объ оживленіи печатнаго слова вообще послѣ 17 октября 1905 года, я констатировалъ подобный фактъ въ частности, и по отношенію къ нашему Епархіальному органу и по этому поводу писалъ дальше, что „съ удовольствіемъ его теперь получаешь, съ интересомъ развертываешь и читаешь. Да первымъ долгомъ не официальную часть, не про назначенія, перемѣщенія, награды и т. д., а про то, что думаютъ, чѣмъ живутъ, чѣмъ думаютъ жить въ Епархіи и т. п. И правду сказать—„есть что „стало читать, есть надъ чѣмъ подумать..... А у моего критика: „въ этой статьѣ авторъ высказываетъ удовольствіе, что на страницахъ Епар-

хіяльныхъ Вѣдомостей стали появляться статьи, полныя жизненнаго интереса. Не награды, назначенія, перемѣщенія и пр. составляютъ содержаніе журнала, а статьи про то, что думаютъ, чѣмъ живутъ и чѣмъ думаютъ жить въ епархіи и т. п.!

Можетъ быть здѣсь мы имѣемъ дѣло только съ обычной вольностью при передачѣ чужихъ словъ, но не надо забывать, что такой пріемъ легко измѣняетъ смыслъ рѣчи и конечно, служить на руку критику. Или извѣстное требованіе, что когда основываются на чужихъ словахъ, то необходимо ихъ буквально передавать, — для нашихъ критиковъ не существуетъ!

Послѣ этого распространеннаго приступа перехожу къ изложенію главной мысли своей замѣтки, той именно, что, вмѣсто преслѣдованія одной лишь истины, пастыри нерѣдко переходятъ на личную почву, имѣютъ въ виду часто матеріальный расчетъ.

Мысль подтверждаю ссылками на извѣстныя статьи, какъ примѣромъ. Затѣмъ привожу, такъ сказать, доказательство отъ противнаго касательно неумѣстности указаннаго характера статей и заканчиваю призывомъ, пользуясь удобнымъ временемъ, залѣчивать раны, а не беречь ихъ. Таковъ ходъ моихъ мыслей въ замѣткѣ и выводъ о томъ, какъ велико мое удовольствіе по поводу оживленія Епархіальныхъ Вѣдомостей, — понятенъ. Могу даже указать основаніе для вычисленія т. ск. мѣры моего удовольствія и моей печали. Именно, указавъ на оживленіе Вѣдомостей, я пишу: „да, *хорошо это* (оживленіе), по *стократъ худо* то, что, излагая свои мысли, ... пастыри. переходятъ на личную почву...“ ..., а мой критикъ пишетъ, что „авторъ сѣтуетъ, *только*“...

И вотъ, указавъ на мое удовольствіе по поводу оживленія Епарх. журнала, на сѣтованіе относительно ненормальнаго направленія статей, авторъ останавливается иск-

лнительно на удовольствіи, и пишетъ „отчасти раздѣляю и я удовольствіе о. Веніамина по поводу оживленія нашего Епархіальнаго журнала. „Отчасти же потому, что Епархіальныя Вѣдомости должны служить показателемъ дѣйствительной, истинной жизни епархіи“. Значить, по отзыву о. Попова краеугольный камень моей статьи—въ удовольствіи по поводу оживленія нашего журнала. Вотъ почему онъ и развиваетъ далѣе теорію: когда нужно раздѣлять „радость автора статьи“ т. е. мою, хотя *о радости* я ничего не говорилъ, и когда „радость моя не можетъ быть раздѣляема всецѣло“ .. Но изложенный мною ходъ мыслей моей замѣтки устраняетъ навязанный мнѣ взглядъ, что идея моей статьи—есть удовольствіе,—я считаю долгомъ еще указать на слѣдующія слова изъ своей статейки, которыя мой критикъ или просмотрѣль, или же не счелъ нужнымъ подумать хорошенько надъ ними, прежде чѣмъ писать. Это: „не знаю, какъ кому, а мнѣ лично приходилось слушать *подобныя обвиненія и краснѣть, что и является причиною моего настоящаго обращенія*“.

И такъ, что же служить причиною моего обращенія, появленія статьи въ Епарх. журналѣ? Очевидно, тѣ обвиненія свѣтскихъ людей, которыя основательно указываютъ на нѣкоторый озлобленный тонъ служителей мира и любви, на преслѣдованіе матеріальности при посредствѣ своихъ рѣчей. Значить не просто я высказывалъ удоластвіе по поводу обновленія нашего журнала, а упомянулъ о немъ между прочимъ, имѣя въ виду извѣстный литературный приѣмъ для того, что бы читатели внимательнѣе и сердечнѣе отнеслись къ обращенію.

Отсюда и выводъ: туда ли попалъ о. Поповъ, разематривая и обсуждая мою замѣтку?! Вѣдь если говорить о какой либо статьѣ, то надо имѣть въ виду прежде всего ея основную мысль,—ее ввести, и тогда и доказывать, жизненна она или нѣтъ; имѣетъ ли значеніе для насъ, или безразлична, совершенно лишняя.

Теперь, полагаю, вполне понятна станетъ моя статейка, понятно и то, существенное ли отношеніе имѣетъ статья моего критика къ моей, справедливо ли ея заглавіе?

Съ своей стороны прошу позволенія высказать нѣсколько замѣчаній по поводу картинки съ натуры относительно „Евфимовича“, которую о. Поповъ считаетъ важнымъ показателемъ мертвенности нашей Епархіальной жизни. Прежде всего, не мало удивляюсь вотъ чему: если о. благочиннымъ священнику предложено „ознакомиться съ матеріаломъ по извѣстному предмету и составить докладъ“, при чемъ трудно предположить, чтобы объ этомъ порученіи не знало бы духовенство округа, то какъ могъ кто либо изъ присутствующихъ перебить докладчика? Да и благочинный напомнилъ бы о забытомъ, чего не видно изъ описанія. Наконецъ, по описанію сценки дѣйствительно непонятно и странно просить извиненія, какъ у „отца“, такъ и у псаломщика, къ которому онъ относится только съ снисхожденіемъ. Какъ—то не вѣрится...

Въ заключеніе скажу и я о жизни. О. Поповъ пишетъ: „пусть проститъ мнѣ уважаемый о. Веніаминъ, что я вопреки его совѣту залѣчивалъ раны, а не берeditъ ихъ, оставляю ихъ безъ пластыря. Я вѣрю и надѣюсь, что жизнь самый лучшій врачъ и пластырь; она ихъ залѣчитъ“. Что здѣсь разумѣетъ подъ жизнью о. Поповъ—непонятно, но если взять во вниманіе то понятіе о жизни, какое преимущественно имѣется въ обществѣ, то надежды на врачество ея не особенно велики.

И если люди сами не захотятъ быть лучшими, сами не постараются поставить себя въ положеніе жаждущаго Божественной помощи и по вѣрѣ получающаго ее, то жизнь сама по себѣ не исправитъ человѣка въ настоящемъ смыслѣ, не залѣчитъ ранъ. Жизнь вѣдь безлична, жизнь, такъ сказать, нѣчто пантеистическое и не всегда можетъ цѣлесообразно воздѣйствовать на человѣка?

Да и не забывайте, отецъ, про то, что Вы допускаете смѣшеніе понятій „жизнь — самый лучший врачъ и пластырь“ Если она врачъ, то не пластырь; если же пластырь, то не врачъ, что нибудь одно: вѣдь о предметѣ двухъ понятій да еще противоположныхъ нельзя составить. Еще слово объ оставленіи безъ пластыря ранъ. Едва ли опытный врачъ такъ сдѣлаетъ; онъ вмѣсто пластыря, быть можетъ, заложитъ корпію, не сразу утишитъ боль, но во всякомъ случаѣ приметъ мѣры къ излѣченію. А вотъ вамъ еще образецъ изъ нашей духовной жизни. Грѣхи наши тоже своего рода раны; если ихъ не залечивать, а оставлять внѣ духовнаго пластыря, то какой смыслъ тогда будетъ имѣть таинство исповѣди въ связи съ православнымъ ученіемъ объ эпитеміяхъ?

Священникъ *Веніаминъ Платоновъ*.

с. Ястребово.

3. Памяти благочиннаго и духовника свящ. Василия Яньшина.

† (Некрологъ).

11-го мая 1906 г., въ день праздника Вознесенія Господня мирно и тихо скончался на 68-мъ году жизни благочинный и духовникъ 1-го округа, Корочанскаго уѣзда, священникъ Николаевской г. Корочи церк-о. Василій Аванасьевичъ Яньшинъ. 13-го числа, въ субботу, послѣдовалъ выносъ тѣла почившаго изъ дома въ Николаевскую церковь, гдѣ послѣ заупокойной литургіи былъ совершенъ умильный чинъ священническаго погребенія. На отпѣваніи и погребеніи кромѣ предстоятеля— протоіерея градскаго собора о. Е. Маларевскаго, участвовало 13 священниковъ, въ томъ числѣ два зятя покойнаго—помощникъ смотрителя Вѣлгородскаго д. училища о. Владиміръ Шевалеевскій и г. Тима кладбищенской церкви о. Сергій Лавровъ и шесть діаконовъ. Трогательный обрядъ погребенія священническаго, пѣніе всѣхъ священнослужителей и хора пѣвчихъ производили глубокое впечатлѣніе на всѣхъ молящихся.